

То, что осталось от Дуань Цигу, не было просто последним дыханием жизни. Все его конечности были отрублены, только голова была прикреплена к туловищу. После того, как он издал этот крик, оба его глаза были широко открыты, он усиленно и тяжело дышал, вдыхая и выдыхая столько, сколько только был способен.

Янь Сюэсин стоял рядом с ним, но он не останавливал его кровотечение, просто заставляя его бесконечно мучиться, прежде чем поднять меч и пронзить его грудь.

В тот момент, когда Дуань Цигу бросил свою семью и бежал в одиночку, Янь Сюэсин понял, что бесполезно использовать семью Дуань, чтобы угрожать ему. Такие люди, как он, были эгоистичны и заботились только о себе. Перед лицом смерти единственной высшей ценностью для них становились они сами. Если кто-то хотел, чтобы он почувствовал боль, единственный способ — нанести раны его телу.

После всего, что Дуань Цигу сделал за эти годы, пусть Янь Сюэсин отрубил все его конечности, даже если бы он ко всему почему вырвал ему глаза и отрезал нос, Цуй Буцзюй не испытал бы к нему ни капли сочувствия. Но прямо сейчас у Дуань Цигу оставался лишь последний вздох. Очевидно, невозможно было спросить его о тринадцати павильонах Юньхай.

Увидев его, Янь Сюэсин издевательски рассмеялся:

— Ты тоже хочешь убить его? Мне очень жаль, но я воспользовался этой возможностью раньше.

Он опустился на колени, чтобы запечатать меридианы Дуань Цигу, перекрывая его кровеносные сосуды, чтобы кровь перестала течь. Затем он передал немного энергии Дуань Цигу, но это было не из желания спасти его, а из намерения замедлить процесс его смерти, чтобы тот мог терпеть пытки еще подольше.

Увидев, как Янь Сюэсин хватается Дуань Цигу за воротник, готовый утащить этого человека, Цуй Буцзюй все же не хотел признавать, что прошел весь этот путь через бесчисленные опасности напрасно, поэтому он закричал:

— Стойте!

Янь Сюэсин сделал вид, будто ничего не слышал, и продолжил то, что начал.

Сяо Лу подскочил вверх, и направил к нему свой меч.

Его меч был чрезвычайно мощным. Первоначально Янь Сюэсин не принял его во внимание, но в этот момент он понял, что его путь полностью перекрыт мечом, поэтому он был вынужден оставить Дуань Цигу и вступить в бой в полную силу.

В ореоле ослепительного сияния меча противники вступили в ожесточенный бой, а потом разошлись в стороны.

На холодном, отстраненном, бесстрастном лице Янь Сюэсина, наконец, отразилось недоумение:

— Кто вы?

Сяо Лу спрыгнул с ветки дерева, его одежда развевалась, и его длинные волосы следовали ее примеру. Его волосы цвета воронова крыла перемежались с белыми волосами, как будто их припорошил снег. Причина, по которой он держал меч в левой руке, а не в правой, как остальные, была не в том, что он левша, а в том, что...

Цуй Буцзюй вспомнил слухи о нем, ходившие в народе, поэтому его взгляд скользнул по его правой руке.

Широкий рукав защищал эту руку, но порыв ветра приподнял завесу над этой тайной.

Его рука была иссохшей настолько, что ее даже нельзя было назвать рукой, скорее она была похожа на ветку дерева.

«Ветка дерева» должна была расти на дереве, но сейчас она росла на теле живого человека. Сам Сяо Лу был очень красив, но по сравнению с напыщенностью Фэн Сяо, Сяо Лу, несомненно, отличался элегантностью. Поврежденная рука была несовершенством среди совершенства.

Его лицо было бледным и словно светящимся. Рука, в которой он держал меч, также была прекрасна. Однако, чем красивее выглядели все остальные его черты, тем более ужасной казалась его больная рука.

Несмотря на то, что официальная процедура распределения чиновничьих должностей в царстве Южная Чэнь проводилась при помощи письменных экзаменов, но при выборе также смотрели и на семью, и на жизненную историю испытуемого, а также на его внешность и поведение, и только после этого смотрели на способности в науках. Такому человеку, как Сяо Лу, происходившему из прежней династии и обладавшему неполноценным телом, даже если бы он показал блестящий результат по всем восьми наукам, было бы трудно ожидать для себя блестящего будущего. В конце концов, нынешний Император династии Южная Чэнь не стремился воспитывать и развивать таланты.

Поэтому, хотя многие люди говорили о Сяо Лу, даже если они бесконечно восхваляли его, они не могли не добавлять слово «как жаль» в конце.

Как жаль, что Небеса завидовали такому герою, создав недостаток в столь совершенном нефрите.

Еще пребывая в подземном хранилище, Цуй Буцуй уже выяснил личность Сяо Лу, поэтому он не был слишком удивлен этим.

Но Янь Сюэсин, впервые увидевший Сяо Лу, не мог не показать своего удивления.

Казалось бы, Сяо Лу давно привык к такому взгляду, так что он спокойно сказал:

— Дуань Цигу мне тоже был должен. Брат мой, вы уже достаточно его мучили, этого должно хватить. Я должен кое-что спросить у него относительно вражды между нами, поэтому, пожалуйста, доверьте его мне.

Янь Сюэсин холодно рассмеялся:

— Если вы сможете победить меня, мы можем обсудить договор между нами!

Закончив говорить, он подпрыгнул в воздух и бросился на другого, развернув запястье и взмахнув мечом, оставляющим за собой полосу света. Острие его меча было подобно падающей звезде, а учитывая тот факт, что только что с помощью этого меча он пытал Дуань Цигу, свежая кровь густо покрывала лезвие, а гнев и убийственное намерение витали, готовые заморозить воздух вокруг.

Но Сяо Лу не отступил ни на шаг, вместо этого он вступил в бой при помощи левой руки, взмахи его меча друг за другом перекрывали собственную тень. Цуй Буцью, наблюдавший со стороны, не мог сказать, кто из них двоих одерживает верх.

Цуй Буцью подошел к Дуань Цигу.

Этот человек потерял все свои конечности, так что лежал неподвижно. Только вздымающаяся грудь свидетельствовала о том, что он еще жив.

Человек, который раньше был конокрадом, после стал главарем разбойничьей банды, промышлявшей грабежом, а затем открыл новую страницу своей жизни и стал одним из влиятельных людей в Цемо – можно сказать, что он создал свое положение и богатство из

ничего.

Даже тринадцать павильонов Юньхай увидели в нем потенциал и пытались склонить его на свою сторону. Однако жаль, что Дуань Цигу не пожелал следовать за ними в их стремлении нажать в качестве врага такого сильного противника, как Империя Суй. Если бы он согласился вступить с ними в союз, Цуй Буцюю было бы не так просто победить его.

Почувствовав, что рядом кто-то есть, Дуань Цигу дернулся, его опухшие глаза расширились, излучая страх и ужас.

Для такого, как он, подобный конец был ни чем иным, как плодом его собственных деяний.

Цуй Буцюй изначально замышлял спросить о чем-то, но когда он заметил, что другой не двигается, а его глаза так и остались полуоткрытыми, он понял, что Дуань Цигу был напуган до смерти.

Возможно, он решил, что это Янь Сюэсин.

В конце концов, он не смог ничего спросить, так что весь этот путь он проделал зря. Цуй Буцюй редко попадал в ситуации, совершенно непредвиденные относительно его собственных планов, так что вместо этого он обыскал тело Дуань Цигу и нашел старое помятое письмо.

Дуань Цигу превратился в окровавленный труп, поэтому и письмо было запятнано кровью. К счастью, Цуй Буцюй не страдал странной манией чистоты, как Фэн Сяо, поэтому он тут же сунул его в карман.

Когда Сяо Лу подошел и увидел мертвого Дуань Цигу, он не мог не вздохнуть:

— Мне жаль барышню Мэй и тех других невинных женщин, которые подверглись насилию со стороны Дуань Цигу. Даже если этот ублюдок умер бы сто раз, этого недостаточно, чтобы залечить их раны.

Цуй Буцью:

— Сестра брата Сяо из секты Хуаншань, которая находится в землях Цзяннани, так почему же ее увезли в такое далекое место?

Сяо Лу горько усмехнулся.

— Путешествия по Цзянху сами по себе являются опасными. Барышня Мэй росла в своей секте и с детства не видела ужасов мира. Этот мир наполнен людьми, которые похищают женщин из их семей и превращают их в рабынь. У барышни Мэй восхитительная внешность, и она путешествовала одна. Первоначально она думала, что ее навыков боевых искусств будет достаточно, чтобы защитить себя, поэтому она стала легкой мишенью. По дороге, пока я искал ее, я понял, что после того, как ее похитили из Цзяннани, ее переслали на север, она даже побывала в городе Дасин, прежде чем покинуть его через западный порт. Я не представляю, как сильно она страдала, и ее семья...

После он вздохнул, и не продолжил.

Цуй Буцью понимал, что тот хотел сказать: через что бы ни пришлось пройти барышне Мэй, так или иначе это станет известным ее семье, и теперь он боялся, что это повлияет на ее репутацию. Это касалось не только барышни Мэй, но и каждой женщины, которая была заточена в каменном склепе. Даже если сейчас они были спасены, неизвестно, не ждет ли их еще более тяжкая участь.

Сяо Лу:

— Я должен сопроводить барышню Мэй домой. Дорогой брат Цуй, могу я узнать ваше имя,

чтобы, если судьба позволит, мы могли еще раз встретиться в Цзянху?

Цуй Буцью:

— Меня зовут Буцью.

— У вас есть вежливое имя или прозвище?

— Нет.

Довольно грубо обращаться к человеку по имени, данному при рождении, например, Сяо Лу, имел псевдоним Сун Сюэ. Многие называли его господином Сун Сюэ* из уважения, а те, кто был ближе, могли называть его по положению среди его братьев и сестер.

ПП: не в значении «сэр\мистер», а в значении положения, влияния. В англ. версии употреблено обращение «лорд», но для временного промежутка нашей истории такой титул не подходит.

— У вас есть братья и сестры?

— Мои родители умерли, когда я был маленьким. У меня нет ни отца, ни учителя, и у меня нет братьев и сестер. Никого, я сам по себе. Кроме имени «Буцью», у меня нет других имен или прозвищ.

Сяо Лу сложил руки вместе и поклонился в знак извинения:

— Прошу меня простить.

Когда обе его руки поднялись, иссохшая рука неизбежно оказалась обнаженной за пределами рукава.

— Я напугал вас, — поймав взгляд Цуй Буцюя, Сяо Лу позволил своей руке опуститься, как будто ничего необычного не произошло.

Цуй Буцюй прямо ответил:

— Я болен с самого рождения. Из врачей, которых я встречал, одни говорили, что я не доживу до шести лет, другие говорили, что я не доживу до девяти. Кто бы из них ни встретился со мной, все предсказывали, что я не проживу долго, и все же я жив до сегодняшнего дня. Небеса ткнут нашу судьбу, но люди выбирают свой путь. Многие обращают внимание лишь на первую половину этой фразы, но часто забывают вторую половину. Похоже, брат Сяо, мы с вами оба из тех людей, которые отказываются подчиняться судьбе.

Сяо Лу рассмеялся:

— Ха-ха, ваши слова определенно делают меня счастливым!

— Пока этот почтеннейший, не щадя своей жизни, сражался, даос Цуй в это время занят поиском новых друзей! Найдя нового друга, ты забыл о старом!

Слова были произнесены насмешливым и дразнящим голосом, и перед ними обоими в нескольких шагах возникла тень.

Сяо Лу с удивлением увидел, что появился еще один Мастер боевых искусств.

<http://bllate.org/book/13926/1227042>